

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.8>

Попова Ольга Александровна, Соболева Ольга Владимировна

Категория памяти в русской литературе (от классической традиции к современной интерпретации)

Цель исследования состоит в решении вопроса о том, как трансформируется художественное воплощение категории памяти в русской литературе XIX - начала XXI в. Научная новизна заключается в анализе категории памяти в русской литературе длительного периода (с начала XIX в. по начало XXI в.), в выявлении и рассмотрении существующих в литературе концепций о необходимости сохранения памяти или отказа от нее, а также в изучении особенностей художественного воплощения категории памяти в творчестве отдельных писателей (в частности, Р. Сенчина). В результате доказывается, что отношение русской литературы XIX - начала XXI в. к категории памяти можно охарактеризовать как "полное принятие - отталкивание - возвращение".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/10/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 46-49. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.8>

Дата поступления рукописи: 17.09.2020

Цель исследования состоит в решении вопроса о том, как трансформируется художественное воплощение категории памяти в русской литературе XIX – начала XXI в. **Научная новизна** заключается в анализе категории памяти в русской литературе длительного периода (с начала XIX в. по начало XXI в.), в выявлении и рассмотрении существующих в литературе концепций о необходимости сохранения памяти или отказа от нее, а также в изучении особенностей художественного воплощения категории памяти в творчестве отдельных писателей (в частности, Р. Сенчина). **В результате** доказывается, что отношение русской литературы XIX – начала XXI в. к категории памяти можно охарактеризовать как «полное принятие – отталкивание – возвращение».

Ключевые слова и фразы: категория памяти; русская литература XIX – начала XXI в.; русская проза; русская поэзия; образ усадьбы; А. С. Пушкин; В. Распутин; Р. Сенчин.

Попова Ольга Александровна, к. филол. н., доц.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
p-olgaperm@mail.ru

Соболева Ольга Владимировна, к. филол. н.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ
olga.v.soboleva@gmail.com

Категория памяти в русской литературе (от классической традиции к современной интерпретации)

Память (как память культуры, память рода) является одной из основополагающих ценностно-ориентированных категорий русской литературы и русской культуры. Изучению и осмыслению категории памяти посвящено множество работ по философии, психологии, культурологии, социологии, истории, этике, литературоведению [1-4; 6; 11; 13; 24].

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью возвращения значимости категории памяти русской культуре и литературе. События, происходящие в России в течение двух последних столетий, обусловили смену ценностных парадигм, в связи с чем и отношение к памяти в культурной и литературной жизни названного периода можно обозначить следующим образом: полное принятие памяти – отказ от нее – и вновь понимание необходимости возвращения к ней.

Задачами нашего исследования является анализ художественного воплощения категории памяти в русской литературе XIX – начала XXI в., а также рассмотрение судьбы пушкинского тезиса о памяти как основе «самостоянья» и «величия» человека.

Для решения поставленных задач в работе используются такие **методы исследования**, как историко-типологический, предполагающий комплексное системное обобщение фактов литературного процесса с целью выявления особенностей творчества различных писателей, и историко-контекстуальный, рассматривающий литературу как результат общественной жизни в конкретных культурно-исторических условиях.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, предметом которых является преломление темы памяти в художественном сознании отдельных эпох и писателей. Так, в частности, Н. З. Коковина, исследуя значение, способы, средства выражения и поэтические функции памяти в русской художественной литературе XIX в., пишет о памяти как важнейшей форме национального самосознания, определяющей универсалии отечественной культуры [10]. Н. С. Степанова рассматривает художественные функции категории памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья [21]. А. С. Щербак говорит о феномене памяти как источнике словесного искусства в творчестве Л. Н. Толстого [26]. Ряд фундаментальных исследовательских работ в области литературоведения посвящены также таким понятиям, как память культуры [17] и культурная память отдельных литературных родов и жанров [9].

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в практике преподавания русской литературы, а также в сопоставительном исследовании произведений русской литературы различных периодов.

Наше исследование посвящено такому аспекту памяти, как память рода – почитание предков, сохранение наследия, созданного предшествующими поколениями. По словам Яна Ассмана, память об умерших является изначальной формой памяти, «это форма, в которой группа живет со своими мертвыми, поддерживает их присутствие в уходящем вперед настоящем и тем самым создает образ своего единства и целостности, который, как нечто совершенно естественное, включает и мертвых» [1]. Благодаря сохранению памяти об умерших, в том числе заботе о могилах (захоронениях) предков, человек участвует в соединении времен – прошлого, настоящего и будущего – и тем самым постигает свою самоидентичность и обретает целостность. О такой функции памяти, как связь времен, пишет, в частности, Д. С. Лихачев: «Принято примитивно делить время на прошлое, настоящее

и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти» [12, с. 169]. О невозможности «жить, не имея за спиной прошлого», говорил также русский историк М. Я. Гефтер, называя историю диалогом «живых с мертвыми. Или вернее: живущих с живыми мертвыми» [8, с. 128].

Высказываниям Д. С. Лихачева и М. Я. Гефтера полностью соответствуют мысли, заключенные в известных строках А. С. Пушкина: «Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу, / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам». Сохранение родовой и культурной памяти мыслится Пушкиным как основа жизни и как залог самой жизни.

Однако в течение XIX–XX столетий проблема памяти рода и памяти культуры в русской литературе получала различное освещение и толкование. Так, в частности, в русской прозе начала XX века споры относительно необходимости сохранения памяти или, наоборот, полного отказа от нее разворачиваются вокруг мира дворянской усадьбы. Дворянская усадьба, как известно, представляла собой вместилище родовой и культурной памяти, сохранению которой способствовала вся обстановка дворянской усадьбы: фамильные портреты, старинная мебель, посуда, библиотеки, в которых хранились книги, принадлежащие прапрабабушкам и прапрадедушкам героев, и т.д.

О дыхании прошлого (отметим, именно дыхании, то есть о живом присутствии прошлого), которое ощущается каждым человеком, попадающим в усадьбу, неоднократно упоминается как в художественной, так и в исследовательской литературе. Наполненность усадебного мира дыханием прошлого усиливает сакральность дворянской усадьбы, что отмечает, в частности, Г. Ю. Стернин: «Образ усадьбы для ее обитателя двоился, существуя на грани реального, вполне осязаемого, и таинственного, уходящего в даль времен. Знакомство со старым имением... становится почти магическим актом...» [22, с. 49].

Однако отношение писателей начала XX в. к дыханию прошлого в жизни дворянской усадьбы неодинаково. На наш взгляд, в русской литературе начала XX в. можно выделить три точки зрения на проблему сохранения памяти рода и памяти культуры.

Представители первой точки зрения полностью разделяют пушкинскую идею необходимости сохранения памяти как залога «самостоянья человека» и «величия его». Так, к примеру, в произведениях Г. И. Чулкова (рассказы «Сестра», «Тамара») дворянская усадьба представляет собой место обитания всего рода, родовое гнездо, в котором пути мертвых и живых постоянно пересекаются, образуя «загадочную кровную связь» [25]. Герои Г. И. Чулкова непрерывно ощущают присутствие в своей жизни «теней прошлого», простирающихся к потомкам свои руки. Однако благодаря такому мистическому общению с умершими хозяева усадеб приобщаются к тайным знаниям, сокрытым от других людей. С точки зрения Г. И. Чулкова, именно способность общения с умершими предками помогает героям избежать одиночества в земном мире и делает их хранителями тайны жизни и смерти.

В прозе Чулкова тесная связь героев с загробным миром, как правило, лишена драматизма. Однако многим писателям начала XX в. свойственно двойное отношение к памяти об умерших. Наряду с признанием важности сохранения памяти рода, авторы произведений говорят о трагическом влиянии прошлого на судьбу потомков. О силе непостижимого влияния мертвых на дела живых писал еще Тургенев в «Фаусте»: «Кто знает, сколько каждый живущий на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти? Кто скажет, какой таинственной цепью связана судьба человека с судьбой его детей, его потомства, и как отражаются на них его стремления, как взыскиваются с них его ошибки?» [23, с. 180].

Мысль Тургенева развивается, в частности, в прозе И. А. Бунина («Пост», «Жизнь Арсеньева») и С. Н. Сергеева-Ценского («Печаль полей»). Для Бунина сохранение памяти, прежде всего, является одной из важнейших жизненных основ. Однако в ряде рассказов («Последнее свидание», «Новый год») Бунин показывает сильную, практически тотальную зависимость дворянских героев от власти прошлого, не позволяющую им реализовать себя в современном мире. Жизнь и традиции предков осознаются героями Бунина как несвобода, тяготение рода и рока, которые необходимо принимать как данность: «– Зачем ты ушла – и за кем! – из своего рода, из своего племени? Мы должны умереть в нём. Будь мы трижды прокляты, но это так!» [5, с. 638].

Это таинственное вмешательство мертвых в судьбы живущих, ограничение их воли и свободы позволяют многим писателям начала XX в. говорить о негативной роли памяти в жизни человека, что в дальнейшем, в советской литературе, приведет к идее полного отказа от наследия предшествующих поколений.

В частности, в произведениях С. М. Городецкого («Сутуловское гнездовье», «Страшная усадьба»), Б. А. Садовского («Лебединые клики»), М. А. Кузмина («Покойница в доме») подчеркиваются родовая зависимость героев дворянской усадьбы от влияния прошлого, подчинение воли потомков дыханию смерти, отражение в судьбах живущих ошибок предшествующих поколений и проклятий, полученных когда-то предками («Лебединые клики» Б. А. Садовского). Если у Пушкина наследие, оставленное предшественниками, мыслится как основа жизни и становления человека, то в творчестве Садовского и Городецкого умирающий, уходящий в прошлое род увлекает за собой и своих наследников. Усадебный мир превращается в царство смерти, в котором живой – лишь «незванный гость», «здесь копошится своя мертвая жизнь, имеющая свои мертвецкие законы и свой особенный уклад» [7, с. 325].

Позднее, в литературе советского периода, появляется новый герой, в образе которого авторы поэтизируют слепую преданность идее полного отказа от прошлого. Целью существования таких героев является строительство светлого будущего, осмысляемого в доктрине советской идеологии («Железный поток» А. С. Серафимовича, «Разгром» А. А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского). В 30-е годы эта особенность получает яркое выражение в развитии так называемой «производственной прозы», когда вместо уединенного «уголка»

дворянской усадьбы в художественную литературу врывается мировое пространство, объединенное революцией и строительством новой жизни («Энергия» и «Цемент» Ф. Гладкова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Время, вперед!» В. П. Катаева, «День второй» И. Эренбурга, «Как закалялась сталь» Н. А. Островского) [15].

В русской литературе 1960-1970-х гг. происходит воскрешение темы памяти, заявляет о себе мотив потерянного дома (Ю. В. Трифонов), заостряется проблема потери личности, индивидуальности в мире социалистических преобразований и коллективизма (В. Тендряков). Одной из основных причин утраты собственного «я» мыслится потеря памяти, без сохранения которой, с точки зрения писателей, невозможна действительная, настоящая жизнь (Ю. В. Трифонов).

Новое звучание тема памяти получает в «деревенской прозе». «Правда в памяти, – говорится в «Прощании с Матерой» В. Г. Распутина. – У кого нет памяти, у того нет жизни» [16, с. 302]. Большое значение в повести В. Г. Распутина уделяется описаниям деревенского кладбища, заботе героев о могилах родственников. Умершие присутствуют в жизни потомков, являются ее частью. Дарья постоянно ведет внутренний разговор с родителями, рассказывая им о беде, пришедшей в Матеру, прося у них помощи, совета и прощения за то, что «отрубил наш род» [Там же, с. 299]. В «Прощании с Матерой» звучит, но остается нереализованной мысль о необходимости перенесения останков родных на новое поселение, чтобы не прерывать течение рода и хранить память об умерших.

История Матеры обретает продолжение в романе Р. Сенчина «Зона затопления» (2015). Важной сюжетобразующей оппозицией в произведении Сенчина является противопоставление жизни и смерти. С одной стороны, жизнь сибирской деревни, укорененная, насыщенная заботами и трудами, и с другой стороны – постепенное угасание и опустошение крестьян, насильственно оторванных от земли и переселенных в город. Оппозиция жизни и смерти реализуется, в частности, через последовательное противопоставление в романе двух кладбищ – деревенского (родового) и городского. В этом противопоставлении нам видится явная отсылка к творчеству А. С. Пушкина («Когда за городом, задумчив, я брожу...»), к пушкинскому описанию городского, публичного, кладбища, где «гниют все мертвецы столицы», и кладбища деревенского, родового, где «дремлют мертвые в торжественном покое». Р. Сенчин также говорит о «великой, торжественной тишине» [19, с. 21], покое и умиротворении, царящих на деревенском кладбище: «Могилки казались какими-то уютными, что ли; лавочки звали присесть, отдохнуть от суеты, бедогни... Хорошо было на их кладбище» [Там же, с. 238]. Как у Пушкина «стоит широко дуб над важными гробами», как бы ограничивая собой пространство кладбища и оберегая его, так у Сенчина деревенское кладбище благодаря деревьям – «как огромная общая комната, и вершины сосен – как свод», «тихо в этой комнате...» [Там же, с. 21].

Стоит отметить, что образ сельского кладбища, ставший для русской литературы значимым еще со времен В. А. Жуковского (который в своем творчестве трижды обращался к переложению элегии Томаса Грея о сельском кладбище), получил воплощение и в отечественной поэзии второй половины XX – начала XXI в. Символической репрезентацией идеи памяти о прошлом пространство сельского кладбища становится в творчестве Бориса Слуцкого [20], Ольги Седаковой [18], Алексея Парщикова [14].

Мысль о сохранении сельского кладбища как о попытке сберечь традиции, основы жизни звучит и в «Прощании с Матерой», и в «Зоне затопления». Желание распутинской Дарьи забрать на новое поселение останки родных осуществляется героями Сенчина: им удается добиться эксгумации покойных и перезахоронить их поближе к своему новому месту жительства, в городе. Посредством перезахоронения герои надеются сохранить память об умерших и не допустить прерывания рода. Однако городское кладбище в корне отличается от деревенского: «Город... мертвых не любит», – говорится в романе [19, с. 37]. «Так непохоже было это новое их жилище на то, что принято называть могилками, погостом» [Там же, с. 274]. И здесь мы вновь видим реминисценцию из Пушкина: землю для перезахоронения выделили «в низине, болотине почти... Все деревья грейдером вырвали, траншеи нарыли» [Там же, с. 217] (ср. у Пушкина о могилах на городском кладбище: «в болоте кое-как стесненные рядком»).

Попытка героев Р. Сенчина сохранить родовую память заканчивается трагически: в финале произведения рисуется апокалиптическая картина затопления нового кладбища, вода сравнивается с некими щупальцами, ползущими между могил и охватывающими пространство.

Как нам представляется, современная русская проза (в лице Р. Сенчина) возвращается к пушкинскому постулату о важности и необходимости сохранения памяти рода, памяти об умерших. Однако трагедия современного героя заключается в том, что, имея «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», ему не удается сберечь их, то есть не удается сохранить память: «И здесь не убергли...» [Там же, с. 379].

Таким образом, можно сделать **вывод** о том, что категория памяти в русской литературе с начала XIX в. до настоящего времени проходит путь, который характеризуется как «принятие – отталкивание – и вновь принятие (только уже драматически окрашенное)». Судьба пушкинского тезиса о родовой памяти как основе «самостоянья» и «величия» человека в русской литературе обозначенного периода также достаточно драматична: критическое осмысление феномена родовой памяти в литературе конца XIX – начала XX в. и полный отказ от него в литературе советского периода к началу XXI в. сменяются мыслью о необходимости восстановления роли родовой памяти в жизни и судьбе человечества. Однако герои русской литературы начала XXI в. являются одиночками в своем стремлении, поскольку их внутреннее желание сохранить память о прошлом вступает в противоречие с окружающей действительностью и не находит поддержки в ней.

Идея памяти о прошлом, как было отмечено нами выше, находит свое выражение не только в современной прозе, но и в поэзии, и обращение к анализу более широкого круга произведений позволит раскрыть данную проблему во всей ее многогранности и полноте, в чем и видятся **дальнейшие перспективы исследования**.

Список источников

1. **Ассман Я.** Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/assman.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).
2. **Бахтин М. М.** Заметки // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 509-531.
3. **Бергсон А.** Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 160-243.
4. **Блонский П. П.** Память и мышление. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
5. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 680 с.
6. **Гефтер М. Я.** Жизнь памятью. Из эпилога // Век XX и мир. 1996. № 1. С. 78-80.
7. **Городецкий С.** Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. 480 с.
8. **Драбкин Я. С.** Память М. Я. Гефтера // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 113-129.
9. **Клинг О. А.** Культурная память сатиры // Труды и дни. Памяти В. Е. Хализева: сборник. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 233-246.
10. **Коковина Н. З.** Категория памяти в русской литературе XIX века [Электронный ресурс]: дисс. ... д. филол. н. URL: <http://www.lib.ua-gu.net/diss/cont/93022.html#introduction> (дата обращения: 08.09.2020).
11. **Лихачев Д. С.** Искусство памяти и память искусства [Электронный ресурс]. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/iskustv_pam.pdf (дата обращения: 08.09.2020).
12. **Лихачев Д. С.** О памяти // Лихачев Д. С. Письма о добром. М. – СПб.: Наука; Logos, 2006. С. 167-173.
13. **Лотман Ю. М.** Память культуры. История и семиотика // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 358-368.
14. **Паршиков А.** Сельское кладбище [Электронный ресурс]. URL: <http://parshchikov.ru/dirizhabli/2-selskoe-kladbische> (дата обращения: 08.09.2020).
15. **Попова О. А.** Образ дворянской усадьбы в русской прозе конца XIX – начала XX века: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2007. 180 с.
16. **Распутин В.** Прощание с Матерой // Распутин В. Последний срок. Прощание с Матерой. Пожар. М.: Современник, 1991. С. 161-338.
17. **Сазонова Л. И.** Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 481 с.
18. **Седакова О.** Сельское кладбище [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/olga-sedakova-selskoe-kladbishhe/> (дата обращения: 02.09.2020).
19. **Сенчин Р.** Зона затопления. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016. 480 с.
20. **Слуцкий Б.** Сельское кладбище [Электронный ресурс]. URL: <http://philosofiya.ru/selskoe-kladbishel.html> (дата обращения: 02.09.2020).
21. **Степанова Н. С.** Художественные функции категории памяти в автобиографической прозе первой волны русского зарубежья // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2012. № 1. С. 108-111.
22. **Стернин Г. Ю.** Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба: сб. Общества изучения русской усадьбы. М. – Рыбинск: Жираф, 1994. Вып. 1 (17). С. 46-52.
23. **Тургенев И. С.** Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1978. Т. VI. 367 с.
24. **Хальбвакс М.** Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 08.09.2020).
25. **Чулков Г.** Сестра [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/c/chulkow_g_i/text_0030.shtml (дата обращения: 08.09.2020).
26. **Щербак А. С.** Категория памяти в творчестве Л. Н. Толстого [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-pamyati-v-tvorchestve-l-n-tolstogo> (дата обращения: 08.09.2020).

Category of Memory in the Russian Literature (from Classical Times to the Present)

Popova Olga Aleksandrovna, PhD

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
p-olgaperm@mail.ru

Soboleva Olga Vladimirovna, PhD

Perm National Research Polytechnic University
Perm Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation
olga.v.soboleva@gmail.com

The paper traces evolution of the memory category in the Russian literature of the XIX – the beginning of the XXI century. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers examine representation of the memory category in the Russian literature over a long historical period (from the beginning of the XIX century till the beginning of the XXI century), identify and analyse the existing views on whether it is necessary to preserve memory, reveal specificity of artistic representation of the memory category in certain authors' creative work (in particular, R. Senchin). The research findings are as follows: the authors prove that perception of the memory category in the Russian literature of the XIX – the beginning of the XXI century can be described as “full acceptance – rejection – re-interpretation”.

Key words and phrases: memory category; Russian literature of the XIX – the beginning of the XXI century; Russian prose; Russian poetry; estate image; A. S. Pushkin; V. Rasputin; R. Senchin.